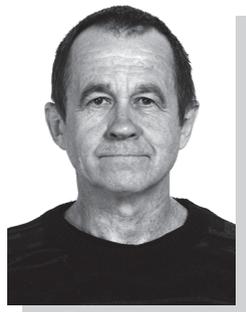

УДК 327.2

«ВАНПАОШАНЬ» И ЯПОНСКАЯ АГРЕССИЯ В МАНЬЧЖУРИИ 1931 Г.

Гайкин Виктор Алексеевич,

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела японоведения,
Владивосток, Россия,
E-mail: unara49@mail.ru

Аннотация

Ванпаошаньский инцидент – известный и неизвестный. Статья о конфликте между корейскими и китайскими крестьянами, ставшим прологом к агрессии Японии в Маньчжурии, о международных отношениях в одном из локальных эпицентров мировой геополитики. Ванпаошаньский инцидент стал апогеем политики «защиты и покровительства», реализуемой Японией в отношении корейской диаспоры и одновременно предлогом для оккупации Маньчжурии. Он высветил цели и смысл этой политики, её экспансионистскую подоплёку, как в кривом зеркале отразил суть взаимоотношений трёх восточноазиатских народов в эпоху империалистических войн за передел мира.

Ключевые слова:

Ванпаошань, корейские эмигранты, японская агрессия.

Ванпаошаньский инцидент (июль 1931 г.) стал своего рода кульминацией проводимой японскими агрессорами с 1907 г. политики «защиты и покровительства» корейской диаспоры в Маньчжурии, целью которой было использование корейских эмигрантов в качестве орудия и предлога для экспансии в Северо-восточном Китае. «Защищая» корейцев, Япония обеспечивала себе право на вмешательство во внутренние дела Китая, на военное присутствие в Маньчжурии, на создание экономической базы в сельском хозяйстве этого региона.

Плодородные земли долины реки Туманган на китайской стороне гораздо раньше китайцев начали заселять и осваивать корейцы (с середины XIX в.). Позднее про-

никновение китайцев объясняется труднодоступным характером местности, огражденной горами. С корейской же стороны попасть туда, перейдя реку Туманган было довольно легко. В результате к началу 20 века китайская территория, прилегающая к пограничной с Кореей реке, оказалась заселенной корейскими крестьянами-иммигрантами. Этот регион получил название Цзяньдао. По переписи 1907 г. в Цзяньдао проживало 72 076 корейцев и только 21 983 китайцев [17, с. 326]. Сегодня это корейский автономный округ Яньбянь, который должен стать территорией реализации «Проекта Туманган». В четырех уездах Цзяньдао в 1920 г. проживало уже 143 тыс. человек, из них корейцев – 109 500, китайцев – 33 тыс. На 1931 г. число жителей превысило

500 тыс. человек, из которых корейцы составили 395 847 человек [14, с. 12].

Корейские иммигранты, пройдя через Цзяньдао, селились и во внутренних районах провинции Цзилинь. Еще один район значительной концентрации корейского населения – это приграничные уезды провинций Цзилинь (в районе Чанбайшаня) и Ляонин (за р. Ялуцзян). По численности корейцы уступали здесь китайцам. Из районов, примыкающих к р. Ялуцзян, корейцы распространялись вглубь провинции Ляонин. К началу 30-х гг. корейское население в Северо-Восточном Китае составляло около 800 тыс. человек. В провинции Цзилинь (включая Цзяньдао) насчитывалось около 500 тыс. корейцев [7, с. 90], в провинции Ляонин – около 250 тыс. [6, с. 75], в провинциях Хэйлунцзян и Хэйхэ – около 50 тыс. человек.

В 20-е годы интенсивное заселение Маньчжурии китайцами привело к росту цен на землю и повышению арендных ставок. Эти и другие факторы вызвали увеличение числа арендных конфликтов между китайскими землевладельцами и корейскими арендаторами. Китайские власти, защищая интересы помещиков, сгоняли с земли корейских крестьян. Газета ЮМЖД «Манчжуриа дэйли нюс» от 16 января 1924 г. писала: «Ввиду преследования корейцев в Маньчжурии и отношения к японцам, которое является далеко не благоприятным, токийское правительство должно взять на себя обязанность поддержания японского престижа и окончательного разрешения этого вопроса».

Резкое увеличение численности корейцев в Маньчжурии, их экономическое преуспевание, с одной стороны, активность Японии в Цзяньдао, по существу превратившей этот район в свою полуконию, с другой стороны, заставили китайские власти принять радикальные меры. Вторая половина 20-х годов – это период гонений на корейцев, равных которым не было в истории корейской эмиграции в Китае. Правовой основой для преследования корейцев послужили, как ни странно, два

японо-китайских секретных соглашения, инициатором заключения которых была Япония. Это – «Двустороннее соглашение о контроле над корейцами», заключённое 11 июня 1925 г. и получившее название «Договор Мицзюя», и «Правила осуществления контроля над корейцами», заключённое 8 июля 1925 г. [16, с. 139]. В подписании этих соглашений участвовали начальник полицейского управления корейского генерал-губернаторства и начальник полиции провинции Ляонин. Заключая эти соглашения, японцы стремились руками китайских властей пресечь антияпонскую деятельность корейских борцов за независимость в приграничных с Кореей районах Маньчжурии. Они давали право китайской администрации арестовывать корейцев, являющихся японскими подданными, невзирая на право экстерриториальности, и выдавать их Японии.

Однако для китайской администрации нежелательными были как корейские коммунисты, так и корейские крестьяне, которых японцы стремились использовать в качестве орудия колониальной политики. Вслед за заключением соглашений последовала серия законов и постановлений, выпущенных китайскими властями, обрушивших на корейцев Маньчжурии репрессии под предлогом борьбы с антияпонским движением. Эти законы преследовали цель если не изгнать сотни тысяч корейцев из Маньчжурии, то запугать, деморализовать, вывести из под японского влияния, заставить принять китайское подданство и ассимилировать их.

За 1925–1926 гг. было зарегистрировано 30 случаев гонений на корейцев, основывавшихся на вышеуказанных постановлениях. Из них – 10 были в области образования, 5 – запрещение проживания, 4 – запрещение аренды земли, 4 – принуждение к натурализации, 1 – покупка земли, 6 – связаны с документами на проживание [16, с. 142, 143]. Рекордным по количеству инцидентов и интенсивности репрессий был 1927 г. (зарегистрировано 197 случаев репрессивных действий). По мо-

тивам они распределялись следующим образом: на первом месте – изгнание с места жительства (94 случая – почти половина всех зарегистрированных инцидентов), на втором месте – принуждение к натурализации (36 случаев), на третьем месте – нарушение арендных прав (18 случаев), кроме того, 12 случаев незаконного налогообложения, далее: закрытие корейских школ, штрафы и прочее [16, с. 150, 151]. «Японская пресса подняла кампанию, обвиняя китайские власти в преднамеренном преследовании корейцев и японских подданных и утверждая, что эти конфликты являются результатом действий, направленных против японской политики в Маньчжурии» [2, с. 1].

29 декабря 1928 г., через 7 месяцев после убийства Чжан Цзолина, его сын и преемник Чжан Сюэлян выступил с заявлением о признании власти Нанкинского правительства. Переориентация Чжан Сюэляна означала продолжение репрессий по отношению к корейцам. В 1930 г. маньчжурские власти опубликовали указ, призывающий китайских землевладельцев разорвать все арендные договоры с корейцами [16, с. 128]. 18 апреля 1930 г. администрация провинции Цзилинь объявила о закрытии всех корейских школ в провинции [22, с. 64]. В мае 1930 г. был издан приказ администрации района Цзяньдао-Хунчунь о запрещении натурализации прояпонски настроенных корейцев [16, с. 126].

Один из китайских журналов писал: «Сейчас корейцы очень плохи. Китайцы в Маньчжурии избегают их и отказываются иметь с ними дело (автор статьи «забыл» о китайских землевладельцах, эксплуатировавших корейских крестьян. – В.Г.). Корейцы потеряли все черты национального характера, а с ними и чувство честности и благопристойности. Под защитой японцев (экстерриториальность), которые намеренно расширяют её в ущерб китайцам, корейцы покупают землю и уклоняются от финансовых обязательств. Совершают преступления и подлые поступки» [20, с. 851].

Ненависть, питаемая китайцами к Японии и ко всему с ней связанному, пере-

носилась на корейцев. Таким образом, Япония претворяла в жизнь излюбленное правило колонизаторов «разделяй и властвуй», вбивая клин между китайским и корейским населением Маньчжурии. Что касается вышеприведённых обвинений китайского буржуазного журнала, то если в них и была доля правды, она целиком относилась к меньшинству прояпонски настроенных корейцев, которые при подстрекательстве японцев порой совершали антикитайские выпады.

Во время событий 1907–1909 гг. (попытка оккупации Цзяньдао) японские колонизаторы выработали специфическую многоцелевую политику в отношении маньчжурских корейцев, состоявшую из комплекса политических, экономических и идеологических мероприятий, политику, которая в несколько видоизменённом виде претворялась в жизнь вплоть до 1931 г. и демагогически называлась «защитой и покровительством».

Политика «защиты и покровительства» определялась отнюдь не филантропическими соображениями. Она являлась составной частью агрессивной политики Японии по установлению своего господства в Северо-Восточном Китае. Во-первых, Япония использовала лозунг «защиты корейцев» как предлог для посылки войск в Маньчжурию с целью территориальной экспансии, для содержания в Маньчжурии консульства и полицейских отрядов. Присутствие корейских переселенцев в Маньчжурии стало фактором, усиливающим позиции Японии в этом регионе, расширяло зону её влияния, давало возможность Японии оказывать давление на китайское правительство.

Другой целью политики «защиты и покровительства» было стремление Японии использовать корейских крестьян для японской сельскохозяйственной колонизации Маньчжурии. При всех льготах, которые японское правительство предоставляло японским крестьянам-переселенцам, сельскохозяйственная колонизация Северо-Востока Китая силами японских колонистов по многим при-

чинам не удалась [19, с. 54, 55, 56]. В то же время заселение Маньчжурии корейскими крестьянами проходило довольно интенсивно. Колонизаторы стремились привлечь корейских переселенцев на свою сторону. Однако, учитывая, что японцы хозяйничали в Корее, подвергали притеснениям и эксплуатации коренных жителей и что причиной эмиграции многих корейцев была именно колониальная политика Японии в Корее, завоевать доверие переселенцев было крайне трудно.

Арендные конфликты, возникавшие между китайскими помещиками и корейскими крестьянами, Япония использовала в своих интересах, разжигая национальную рознь, оглушая корейцев демагогией фраз о заботе, сочувствии и общности интересов. Само по себе широко рекламируемое «покровительство» Японии порождало недоверие китайцев к корейской диаспоре. Частым явлением стали антикорейские выпады на страницах китайской печати, настраивающие общественное мнение против корейцев, именуемых не иначе, как «авангард японской колонизации» [23, с. 342]. Обвинения были выдержаны в шовинистическом духе.

Японские экспансионисты пытались закабалить корейских крестьян экономически, взять под контроль землю, которую они обрабатывали, урожай, который они получали. Для этой цели в Маньчжурии в 1910 г. были организованы так называемые кредитные товарищества. Тем не менее, корейские переселенцы не стали послушным орудием японской агрессии. По данным японской разведки «в конце 1921 г. 150 тысяч корейцев в Маньчжурии и Сибири находились под влиянием большевистской пропаганды (среди китайцев – 20 тысяч)» [24, с. 22].

Поэтому третьей целью политики «защиты и покровительства» являлась борьба с антияпонским движением корейского населения Маньчжурии. Если японские карательные экспедиции, периодически (в 1910, 1920, 1930 гг.) вторгавшиеся в Северо-Восточный Китай для расправы с борцами за независимость, были

кнудом, то «защита и покровительство» были пряником, которым японцы надеялись привлечь корейское население на свою сторону, создать вокруг борцов за освобождение Кореи вакуум и тем самым обречь их на поражение. С этой целью в Маньчжурии строились школы для корейских детей с преподавателями-японцами, которые рассказывали школьникам о величии Японии и о пагубности национально-освободительного движения. Корейским переселенцам оказывалась незначительная финансовая помощь, сопровождаемая пропагандистской шумихой. Цель колонизаторов состояла в том, «чтобы с минимальной суммы затрат получить максимальные политические проценты» [8, с. 177].

Цели политики «защиты и покровительства» были сформулированы в известном «меморандуме Танака». В главе «Поддержка и защита корейской эмиграции» говорилось: «С одной стороны, мы сможем использовать натурализовавшихся корейцев, чтобы скупать землю под выращивание риса. С другой стороны, мы сможем увеличить им помощь через посредство «кооперативного общества», ЮМЖД и др., чтобы они могли служить передовым отрядом нашего экономического проникновения. Их натурализацию нужно считать временной необходимостью. Когда число корейцев достигнет 2,5 млн. или больше, их можно будет толкнуть на военные действия, если в этом будет необходимость, и под предлогом подавления корейцев мы сможем оказать им помощь» [23, с. 342]. Ему вторили авторы книги «Современное положение Цзяньдао»: «... Необходимо развивать насколько это возможно финансовые, лечебные, учебные, полицейские органы (в Цзяньдао – В.Г.). Когда число зарубежных корейцев достигнет 1 млн. человек, то Цзяньдао станет провинцией Кореи, а управление её возьмут на себя эти органы» [11, с. 266].

1931 г. ознаменовался новыми действиями, направленными против корейских крестьян. В марте китайские чиновники в уезде Куаньдянь издали приказ о выселении

20 корейских семей под предлогом того, что эти корейцы были связаны с компартией [22, с. 64]. В мае 1931 г. в уезде Хунчунь управление общественной безопасности выпустило указ «об ограничении корейских школ и контроле над антияпонски настроенными корейцами» [18, с. 178].

Апогеем японской политики «защиты и покровительства» корейцев стал известный Ванпаошаньский инцидент, ставший одним из звеньев в цепи провокаций, предварявших захват Японией Маньчжурии. В Ванпаошане, местечке в 18 милях от Чанчуна, весной 1931 г. группа корейцев арендовала участок заболоченной земли (около 300 акров) для проведения ирригационных работ и выращивания риса (появление в этом регионе корейских беженцев было вызвано коммунистическим восстанием в Цзяньдао 30 мая 1930 г., военными действиями, связанными с его подавлением китайскими властями и неизбежными при этом тяготами для крестьян). В китайской прессе отмечалось, что аренда такого большого участка не могла обойтись без японского капитала.

Работы по сооружению каналов для подведения воды из реки Итун на поля началась без разрешения китайских властей. Китайцы – владельцы земель, по которым корейцы рыли каналы, начали протестовать, опасаясь эрозии почвы и затопления 2 тыс. акров их земли. Одновременно беспокойство по поводу появления корейских беженцев высказали власти Маньчжурии. 25 мая администрация провинции Цзилинь издала секретный указ о выселении уже проживавших в провинции корейцев и противодействии въезду новых иммигрантов, который был послан и мэру Чанчуна. Мэр Чанчуна отдал соответствующие распоряжения полиции, которая начала «прессовать» корейцев (аресты, избиения). Оказавшись в безвыходном положении, корейцы, вспомнив японскую риторику о «защите и покровительстве», обратились к японскому консулу в Чанчуне, который послал на место несколько полицейских и чиновников консульства [15, с. 23].

Поскольку корейцы продолжали копать каналы по землям китайских крестьян, те в свою очередь пожаловались администрации провинции Цзилинь. 30 мая 200 китайских полицейских потребовали у арендаторов прекратить работы, но не были услышаны. Ситуация накалялась, и правитель Маньчжурии Чжан Сюэлян предложил японскому консульству одновременный вывод из Ванпаошаня японской и китайской полиции. По японской версии такое же распоряжение было послано МИДом Японии консулу в Чанчуне [15, с. 11, 12]. В своём донесении консул ответил МИДу, что японская полиция должна защитить корейцев – японских подданных, Япония должна занять на переговорах жёсткую позицию и потребовать компенсации китайской стороной затраченного корейцами труда, оцененного в 4 000 иен [15, с. 14].

Китайская сторона, чтобы разрядить ситуацию, приняла решение вывести свою полицию в одностороннем порядке и потребовала того же от японцев. Одновременно, Чжан Сюэлян пообещал не препятствовать корейцам в обработке рисовых полей, что снимало проблему компенсации. Мининдел Японии предложил японскому консулу объяснить Чжан Сюэляну озабоченность Японского правительства и народа по поводу эскалации действий китайских властей против японского присутствия в Маньчжурии [15, с. 24]. Этот демарш был, по сути, завуалированной угрозой. Китайская администрация Маньчжурии решила избегать конфронтации. 26 июня корейские крестьяне возобновили рытьё каналов, полиция им не мешала.

Однако с этой политикой не были согласны китайские крестьяне. 1 июля около 500 китайских крестьян разрушили построенную корейцами дамбу и закопали 400 футов каналов. На следующий день в Ванпаошань прибыли 30 японских жандармов с пулемётом, и когда в 10 часов утра появились китайские крестьяне, чтобы продолжить разрушение каналов, японские жандармы открыли по ним огонь. Китайцы ответили тем же. Перестрелка

продолжалась около часа. 3 июля 72 японских жандарма были присланы в Ванпаошань и по существу оккупировали местность, запретив китайцам вход.

Министр иностранных дел Японии заявил, что правительство будет вынуждено защитить японских граждан в Маньчжурии, если китайские власти не смогут это сделать сами. Кроме того, японская сторона потребовала компенсировать корейцам их труд, вложенный в строительство разрушенных каналов, разрешить свободное проживание корейцев в Ванпаошане, обеспечить их права на аренду земель в этом районе [23, с. 339, 340]. Переговоры возобновлялись, и, зайдя в тупик, вновь срывались.

Японские газеты в Корее начали активную антикитайскую кампанию, расписывая «ужасы» Ванпаошаньского инцидента. Подстрекательство прессы, слухи о массовых убийствах корейцев в Китае привели 3 июля к китайским погромам в городах Кореи, где существовали сравнительно большие китайские общины. Толпы разъярённых корейцев грабили и разрушали магазины и лавки, принадлежавшие китайцам, убивали китайских резидентов. Японская администрация Кореи разослала губернаторам провинций указание ввести цензуру на статьи, разжигающие межнациональные конфликты. Тем не менее, погромы продолжались. В Сеуле 4 июля полиция задержала более 200 корейцев, участвовавших в беспорядках, 5 июля полиция разогнала в Сеуле 5-тысячную толпу возбуждённых корейцев. В то же время, по многим свидетельствам, полиция часто безучастно наблюдала за действиями погромщиков. Только 6 июля волнения стали стихать. В других городах Кореи погромы и убийства китайцев продолжались до 8 июля. Погибло в общей сложности 95 китайцев, был нанесен ущерб на 2 млн. долларов [15, с. 18].

Китайский МИД 7 июля выразил протест в связи с нападениями на китайских резидентов в Корее. Япония выразила соболезнование, отметив при этом, что не признаёт вину

государства в действиях погромщиков, и, следовательно, не будет рассматривать вопрос о возмещении ущерба пострадавшим китайцам. Позже корейское генерал-губернаторство проявило инициативу, пообещав выделить 200 тысяч иен для поддержки пострадавших торговцев. Китайская сторона отказалась получать эти «пожертвования», обуславливая их получение признанием вины японской администрации Кореи за погромы [15, с. 18].

Японская пресса в Корее констатировала непринятие властями серьёзных мер по предотвращению погромов, о которых японские компетентные органы знали заранее. Американские миссионеры рассказывали, что знакомые корейцы за несколько дней до начала беспорядков советовали им не выходить из дома [15, с. 18]. По словам тех же американских проповедников, члены японских националистических, антикоммунистических обществ в Корее подстрекали корейцев к убийствам китайцев. Потерявшие имущество китайские лавочники более возмущались поведением этих молодых японцев, чем действиями корейских погромщиков [15, с. 19]. По японской версии предотвратить погромы полиции помешало временное безвластие. В июне в Японию были отозваны генерал-губернатор Кореи и главный государственный инспектор. Новый генерал-губернатор Имаи прибыл в Корею только 7 июля. Без топ-менеджеров чиновники среднего и низшего звена боялись брать на себя ответственность в принятии решений [15, с. 21].

В последующие недели события развивались следующим образом. Возмущение китайского населения Шанхая, городов северного и центрального Китая фактической оккупацией японскими жандармами Ванпаошаня и убийствами соотечественников в Корее вылилось в кампанию за бойкот японских товаров. В Маньчжурии реакцией на «Ванпаошань» были антикорейские репрессивно-ограничительные меры китайских властей. 7 июля 1931 г. управление образования провинции Ляонин наложило строгие

ограничения (вплоть до полного запрещения) на частные школы, созданные корейскими общинами, а с августа запретила принимать корейских детей в китайские школы. 11 июля полицейское управление провинции Ляонин опубликовало указ, запрещающий нанимать корейцев на сельскохозяйственные работы, сдавать им дома, призывавший изгонять корейцев как натурализованных, так и не-натурализованных, так как они являются авангардом японского империализма [18, с. 180]. 22 июля мининдел Китая направил Японии вторую ноту протеста, потребовав вывести из Ванпаошаня японскую полицию [23, с. 333]. Японская сторона дала формальный ответ, фактически отрицающий какую-либо вину и ответственность Японии. 24 августа китайский МИД отправил японскому правительству письмо, в котором возлагал всю вину за «Ванпаошань» на Японию [15, с. 16].

19 сентября 1931 г. Квантунская армия начала боевые действия с целью оккупации Маньчжурии. Независимо от того, был ли Ванпаошаньский инцидент подготовлен Японией, или японские власти «воспользовались ситуацией», этот эпизод стал одним из предлогов к агрессии в Манчжурии и псевдоаргументом для оправдания оккупации. Апологет японской агрессии в Китае К. Каваками в своей книге, вышедшей в 1932 г., писал: «Сегодня в Маньчжурии почти миллион корейцев. Эти корейцы надеются, что Япония будет защищать их. Но Япония не хозяйка Маньчжурии <...> дипломатические представления Японии по этому вопросу, как и по многим другим, никогда не принесли плодов. Если Япония обращалась к Мукдену, ее отсылали в Нанкин, когда она обращалась в Нанкин, ее отсылали в Мукден. Если она апеллировала сразу и к тем, и к другим, ответ был – ничего не знаем» [21, с. 103].

Японский журналист пытается подвести зарубежного читателя (а книга, вышедшая в Нью-Йорке на английском языке, была рассчитана именно на него) к мысли о том, что, поскольку ни нанкинское правительство,

ни мукденские власти не брали на себя ответственность в вопросе защиты корейцев, Япония вынуждена была взять на себя решение этой задачи. А единственно радикальным решением было вооруженное вторжение. Таким образом, агрессия в Маньчжурии оправдывается желанием помочь угнетенным корейцам. Нечего и говорить о том, что высказывание автора о надежде миллиона корейцев на японское заступничество – заведомая ложь. Японские империалисты, по большому счёту, были незваными «покровителями» корейских крестьян, проводившими политику непрошеной «защиты».

Семена национальной розни, посеянные японскими экспансионистами и китайскими властями, дали обильные всходы в период военных действий. Отряды китайской армии и партизанские отряды, сопротивляясь японской агрессии, зачастую обрушивали жестокие удары на корейских крестьян, которые, традиционно, считались японскими сторонниками. Многие корейцы были вынуждены спасаться в полосе отчуждения ЮМЖД, крупных городах.

В ноябре 1931 г., когда сопротивление китайской армии возросло, количество беженцев начало увеличиваться, и зимой 1931 г. составило около 10 тыс. человек [18, с. 180]. Во время антияпонского восстания в Цзяньдао в 1932 г. количество беженцев в городах Цзяньдао достигло к марту 1933 г. 35 тыс. человек (к январю 1934 г. оставалось 15 тыс.). В Цзяньдао часть беженцев, видимо, составляли зажиточные корейцы, против которых были настроены корейские партизаны левой ориентации.

Многие корейцы возвращались в Корею. В 1931 г. вернулось 10 600 человек, в 1932 г. – 18 тыс., в январе-феврале 1933 г. – 9 500 человек [12, с. 179]. И только в 1934 г. отток в Корею прекратился, точнее, сократился до обычного в предвоенные годы уровня. Несколько сот корейцев было убито. Велик был материальный ущерб, нанесённый восстанием и его подавлением (сожжённые дома, разрушенные хозяйства).

Все старания новой японской администрации Маньчжурии смягчить антикорейские настроения не увенчались успехом. В 1932 г. было объявлено, что отныне, корейцы, не имевшие китайского подданства (около 70%), и японцы, будут пользоваться правом экстерриториальности, которое на практике до инцидента китайскими властями не признавалось [13, с. 527]. Был издан соответствующий закон, согласно которому корейцы подлежали юрисдикции японских консульств. Несмотря на это, управление полиции провинции Цзилинь 12 июля 1933 г. опубликовало «указ о контроле за маньчжурскими корейцами».

Такой поворот дел беспокоил японцев, которые не забыли превратное толкование китайцами «соглашения Мицзюя», использованное для гонений на корейцев. Министр иностранных дел Японии заявил, что «этот приказ цзилиньского провинциального управления направлен против корейцев и наделяет маньчжурские власти и полицейских на местах слишком широкими полномочиями. В результате местная полиция сможет, злоупотребляя этим указом, проводить репрессии против корейцев. Поэтому я серьезно протестую и прошу обратить на это внимание... нужно позаботиться о помещении в «Известиях провинциального управления» исправленного указа или отменить этот указ. До инцидента (имеется ввиду оккупация Маньчжурии японской армией. – В.Г.) полиция провинции Цзилинь в нарушение договора арестовывала много корейцев, что вызывало серьезные осложнения между двумя странами. В наше время наблюдаются рецидивы таких инцидентов... и это не идет на пользу отношениям между нашими государствами» [10, с. 262–272].

Случаи давления на корейцев наблюдались в 1934 г., в провинции Синьань. Японский консул сделал властям провинции замечание. Разумеется, забота японцев объяснялась не абстрактными идеалами справедливости, а конкретными опасениями

того, что указ даже в руках марионеточных чиновников станет орудием, направленным против использования корейцев для укрепления в Маньчжурии японских позиций.

Управлять корейским переселением в Маньчжурию и направлять его в необходимые районы были давнишней мечтой японских экспансионистов. До 1931 г. она не могла осуществиться из-за активного противодействия китайских властей. После 1931 г. положение изменилось. Если в начале года власти провинции Ляонин издали «положение о наказании за незаконную продажу земли иностранцам», грозящее заключением в тюрьму или смертной казнью лицам, сдающим в аренду, в залог или продавшим землю иностранцам [9, с. 19], то в 1932 г. марионеточные власти Маньчжурии выпустили новые правила, согласно которым «арендовать землю на одинаковых условиях могут, как местные жители, так и иностранцы, проживающие в Маньчжурии» [9, с. 24]. Генерал-губернатор Кореи генерал Угаки заявил: «Мы хотим выступить со своими корейцами в области земледелия и скотоводства... наш план гораздо выгоднее плана переселения в Маньчжурию японцев» [2, с. 59].

Различные мнения были о способе переселения. Наиболее циничный проект был опубликован в журнале «Даймондо» (1932, № 20): «Вооруженная крестьянская эмиграция возможна лишь силами японцев. Корейцы скорее могут быть использованы здесь лишь в качестве батраков, их следует заставить заниматься рисосеянием, работой уготованной им природой. Я полагаю, что японо-корейская эмиграция в Маньчжурию может быть осуществлена переселением из Японии 500 вооруженных крестьянских семейств, которые будут использовать как батраков 500 семей корейцев, ояпонивая их» [цит. по 1].

Автор статьи предлагал что-то вроде плантационного типа хозяйств с использованием рабского труда корейцев. Японские правительственные органы понимали, что привлечение корейцев на свою сторону

экономическими подачками и контроль над ними через систему кредитных органов и сельскохозяйственных кооперативов принесут большую отдачу, нежели рабский труд. Газета «Дайренсимбун» (13.07.1934) писала, что основная цель переселения корейцев в Маньчжурию – создание в северной Маньчжурии прочного японо-маньчжурского плацдарма, являющегося важным элементом развития хозяйственной жизни страны и укрепления обороны края [9, с. 30].

Первые попытки организованного поселения корейцев (беженцы 1931–1932 гг.) были сделаны в Маньчжурии (без Цзяньдао) в 1932–1935 гг. Их селили в специально построенные посёлки, которые получили название «безопасных деревень». Таковых в 1932–1935 гг. было создано пять. Однако за первые пять лет после оккупации Маньчжурии реализовать многочисленные проекты и планы организованного, направленного вселения корейцев в Восточную Маньчжурию не представлялось возможным из-за сильного антияпонского партизанского движения, охватившего эти районы.

Ванпаошаньский инцидент стал апогеем политики «защиты и покровительства» реализуемой Японией в отношении корейских эмигрантов и одновременно предлогом для оккупации Маньчжурии. Он высветил цели и смысл этой политики, её экспансионистскую подоплёку, как в кривом зеркале отразил суть взаимоотношений трёх восточноазиатских народов в эпоху империалистических войн за передел мира. «Ванпаошань» – это иллюстрация банальных, но справедливых истин, заключающихся в том, что политика – грязное дело, а война – продолжение политики.

1. Бюллетень иностранной прессы ДГУ. Владивосток. 10.07.1932.

2. Вестник Маньчжурии. 1928. № 7.

3. Вестник Маньчжурии. 1931. № 12.

4. Вестник Маньчжурии. 1932. № 9–10.

5. Вестник Маньчжурии. 1934. № 11–12.

6. Леонидов И. Корейцы в Маньчжурии. – Вестник Маньчжурии. 1930. № 11–12.

7. Маньчжурия. Экономическое, географическое описание. Харбин, 1934, ч. 1. 287 с.

8. Шипаев В.И. Корейская буржуазия в национально-освободительном движении. М., 1966. 345 с.

9. Экономический бюллетень. Харбин. 1934. № 8.

10. Дайккай дзэнкокуэн сандзикан гидзироку (Первая всеманчжурская конференция уездных советников. Протоколы) Чанчунь. 1934.

11. Дзюнсукэ Усимару, Ёсимаро Мурата. Сайкин Канто дзидзё (Современное положение Цзяньдао). Сеул – Токио, 1927. 407 с.

12. Мансю имин мондай то дзиссэки тэса (проблемы переселения в Маньчжурию и результаты обследования). Токио. 1937. 298 с.

13. Мансю нэнкан (ежегодник Маньчжурии) Дайрен. 1936. 670 с.

14. Мун Ындо. 1920 нёндемал – 1930 нёндэ хотон манчибан чосон инмин ы киегып кусон квасэн хвалсантэ (Классовая структура и условия жизни корейцев Восточной Маньчжурии в конце 20 – начале 30-х гг.). Ёксаквахак. 1967. № 1.

15. Нагата Акифуми. Ванпаошан дзикен то кокусай канкэй (Ванпаошанский инцидент и международные отношения). – Sophia historical studies. Токио. 2007. V. 52. pp. 1–37.

16. О Сэчхан. Чэман ханин ы сахвечок сильтхэ 1910–1930 (Социальное положение корейцев в Маньчжурии 1910–1930 гг.). – Пэксан хакпо. Сеул, 1970. № 9.

17. Тёсэн тодзи сирё (Материалы по истории управления Кореей). Т. 1. 1970. Токио. 697 с.

18. Уэда Кёсукэ. Маммо но дзэнгосаку о никка рёкокумин ни катару (народам Японии и Китая о положении в Маньчжурии и Монголии). Токио – Осака, 1932. 230 с.

19. Ямада Гоити. Мансю ни окэру ханман конити ундо то ногё имин (Антияпонское движение в Маньчжурии и сельскохозяйственные переселенцы). – Рэкиси хёрон, 1962, № 6, 7, 9, 10.

20. Chinese economic journal, Shanghai, 1930. v. VII, № 2, p. 851.

21. Kawakami K. Japan speaks on the sino-japanese crisis. N.Y., 1932. 189 p.

22. Takeo Itoh. China's challenge in Manchuria. S. 1., 1932. 285 p.

23. The China weekly review. 1931 v.57, № 9 (1.08.1931).

24. The journal of Asian studies. 1960, v. xx. № 1.

1. Byulleten' inostrannoj pressy DGU. Vladivostok. 10.07.1932.

2. Vestnik Man'chzhurii. 1928. № 7.

3. Vestnik Man'chzhurii. 1931. № 12.

4. Vestnik Man'chzhurii. 1932. № 9–10.

5. Vestnik Man'chzhurii. 1934. № 11–12.

6. Leonidov I. Korejcy v Man'chzhurii. – Vestnik Man'chzhurii. 1930. № 11–12.

7. Man'chzhuriya. E'konomicheskoe, geograficheskoe opisanie. Harbin, 1934, ch. 1. 287 s.

8. Shipaev V.I. Korejskaya burzhuziya v nacional'no-osvoboditel'nom dvizhenii. M., 1966. 345 s.

9. E'konomicheskij byulleten'. Harbin. 1934. № 8.

10. Dajikkaj dze'nkokuke'n sandzikan gidzироку (Pervaya vsemanchzhurskaya konferenciya uездных советников.

Protokoly) Chanchun'. 1934.

11. Dzyunsuke' Usimaru, Yosimaro Murata. Sajkin Kanto dzidzyo (Sovremennoe polozhenie Czuan'dao). Seul – Tokio, 1927. 407 s.

12. Mansyu imin mondaj to dzisse'ki tyosa (problemy pereseleniya v Man'chzhuriyu i rezul'taty obsledovaniya). Tokio. 1937. 298 s.

13. Mansyu ne'nkan (ezhegodnik Man'chzhurii) Dajren. 1936. 670 s.

14. Mun Yndo. 1920 nyonde'mal – 1930 nyonde' choton manchiban choson inmin y kiegyp kusun kvase'n xvalsante' (Klassovaya struktura i usloviya zhizni korejcev Vostochnoj Man'chzhurii v konce 20 – nachale 30-x gg.). Yoksakvaxak. 1967. № 1.

15. Nagata Akifumi. Vanpaoshan dziken to kokusaj kanke'j (Vanpaoshanskij incident i mezhdunarodnye otnosheniya). – Sophia historical studies. Tokio. 2007. V. 52. pp. 1–37.

16. O Se'chxan. Che'man xanin y saxvechok sil'txe' 1910–1930 (Social'noe polozhenie korejcev v Man'chzhurii 1910–

1930 gg.). – Pe'ksan xakpo. Seul, 1970. № 9.

17. Tyose'n todzi siryo (Materialy po istorii upravleniya Koreej). T. 1. 1970. Tokio. 697 s.

18. Ue'da Kyosuke'. Mammo no dze'ngosaku o nikka ryokokumin ni kataru (narodam Yaponii i Kitaya o polozhenii v Man'chzhurii i Mongolii). Tokio – Osaka, 1932. 230 s.

19. Yamada Goiti. Mansyu ni oke'ru xanman koniti undo to nogyo imin (Antiyaponskoe dvizhenie v Man'chzhurii i sel'skoxozyajstvennye pereselency). – Re'kisi xyoron, 1962, № 6, 7, 9, 10.

20. Chinese economic journal, Shanghai, 1930. v. VII, № 2, p. 851.

21. Kawakami K. Japan speaks on the sino-japanese crisis. N.Y., 1932. 189 p.

22. Takeo Itoh. China's challenge in Manchuria. S. 1., 1932. 285 p.

23. The China weekly review. 1931 v.57, № 9 (1.08.1931).

24. The journal of Asian studies. 1960, v. xx. № 1.

UDC 327.2

«VANPAOSHAN» AND THE JAPANESE AGGRESSION IN MANCHURIA IN 1931

Gajkin Victor Alekseevich,

Institute of History, Archaeology and Ethnographies of Far East Peoples,
The Russian Academy of Sciences, Far East Branch,
Department of Japanese studies,
Senior Researcher,
Candidate of historical sciences,
Vladivostok, Russia,
E-mail: unara49@mail.ru

Annotation

Vanpaoshan incident – known and unknown. Article about the conflict between the Korean and Chinese peasants, become prologue to aggression of Japan in Manchuria, about international relations in one of local epicenters of world geopolitics. Vanpaoshan incident became apogee of a policy «protection and protection», the realized Japan concerning the Korean diaspora and simultaneously a pretext for occupation of Manchuria. It has highlighted the purposes and sense of this policy, its expansionary underlying reason as in a curve mirror has reflected an essence of mutual relations of three East Asian people during an epoch of imperialistic wars for world repartition.

Key words:

Vanpaoshan, the Korean emigrants, the Japanese aggression.